

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ОТ «ЕСТЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА» К «ЕСТЕСТВЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ»? (О книге Л. Фишмана, В. Мартьянова и Д. Давыдова «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии»)¹

Аннотация. В статье анализируется монография Леонида Фишмана, Владимира Мартьянова и Дмитрия Давыдова — сотрудников Института философии и права Уральского отделения РАН. Авторы книги разработали свою теорию общественно-экономического развития человечества — как его прошлого и настоящего, так и перспектив дальнейшей эволюции. В статье показано, что, с одной стороны, эта теория вписывается в ряд построений, обусловленных общей неопределенностью, неизбежной при смене технологических укладов, которая к тому же кое-где осложняется крушением «реального социализма». С другой стороны, сам путь, которым пошли ученые, отличается от основного массива подобных теорий, так как они положили в основание своей концепции разработанную ими новую трактовку феномена «ренды». Признавая ценность и научную оригинальность общей линии рассуждений авторов, рецензент обращает внимание на то, что в их общей картине общественно-экономического будущего отсутствует тема развития массового сознания, изменений поведения и потребностей рядового человека под воздействием революционных технологических сдвигов.

Ключевые слова: *рента, виды ренты, рентная трансформация, глобальное рентное общество, демократия, популизм.*

JEL: A10, A 12, B 59, F 01.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10412.

Время резких изменений в производительных силах различных обществ сопровождается развитием не только технических и технологических изобретений, порождающих эти изменения. В такой ситуации начинается интенсивное развитие и общественно-научных теорий, которые призваны обосновать необходимость изменений в самом укладе жизни людей, вызванном требованиями подстраиваться к появляющимся техническим инновациям. Та же ситуация порождает и теории, обращенные в прошлое, как некий утраченный «золотой век», разрушенный новой жизнью. Все это мы видим сегодня, изучая теории XVIII—XIX вв. разных направлений, но объединенных тем, что все они порождены сдвигами, вызванными первой промышленной революцией.

Правда, в те времена, как правило, теоретики ограничивались анализом изменений, происходящих в странах, вступивших на путь этой революции, пренебрегая процессами, протекающими в большинстве стран мира, ими не затронутыми. Теперь же, в век глобализации, в фокусе внимания аналитиков оказываются не только страны — лидеры технического прогресса, но и аутсайдеры. Важной темой исследований стала проблема перехода отсталых стран в группу среднеразвитых или даже передовых экономик мира, а также про-

¹ Фишман Д., Мартьянов В., Давыдов Д. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ИД ВШЭ, 2019. Далее в круглых скобках после цитат приводятся страницы данного издания.

блема частых срывов таких прорывов. Все эти темы обострились на рубеже XX и XXI вв. – во время стремительной трансформации технологических укладов, цифровизации и производственной, и бытовой жизни общества (а для постсоциалистических стран они дополняются проблемами мучительного перехода от одного типа отношений к другому).

В таком интересе исследователей находят свое отражение ширящееся у людей чувство тревожности, опасения, что привычный для них образ жизни будет разрушен, что любимая профессия, на освоение которой ушли годы и даже десятилетия, вдруг окажется невостребованной и т.п. Это разлитые в обществе, даже в достаточно благополучных его слоях, ощущения неуверенности в завтрашнем дне, непонимание глубинных движущих сил происходящих процессов, не могут не отразиться в появляющихся теоретических работах, авторы которых пытаются дать объяснение изменениям и в богатых, и в бедных странах. Ведь и те, и другие сегодня, по сути, находятся в точке бифуркации и мучительно ищут выход как для себя, так и для своих партнёров. А для постсоциалистических стран всё усложняется ещё и тем, что отнюдь не всюду постсоциалистическая трансформация оказалась удачной (причинами этого также озабочены теоретики).

Всё это порождает крайнее разнообразие теоретических построений. В этом разнообразии выделяется масса конструкций, утверждающих как единство в фундаментальных позициях, так и их принципиальное разнообразие для разных стран мира. Последнее объясняется предопределённостью многими факторами (географическими, природными, культурными), а потому попытки свернуть с предопределённого пути должны терпеть неудачу. В то же время есть и построения, цель которых — встроить отсталые страны в некую общецивилизационную линию, ведущую к построению общества по типу ныне наиболее процветающих государств. Сегодняшние же проблемы стран догоняющего развития объясняются тем, что они ещё не прошли тех ступеней, которые оставили позади развитые страны.

Среди многообразия современных теорий можно встретить и жёсткие матричные конструкции, по сути своей отрицающие возможность преодоления дефектов сложившейся институциональной системы и перехода к новому, модернизированному, этапу развития. Есть и теории, выявляющие возможности смены одного типа развития и соответствующих ему институтов на другой. Есть варианты, отводящие ведущую роль в такой смене лишь элите, в то время как другие предполагают возможность участия в этом процессе и широких масс. Но в целом разнообразие существующих теорий предполагает существование в мире, как минимум, двух различных институциональных систем. И проблема системы, не способной создать условия для современного модернизационного развития, связывается с ее возможностью преодолеть кроющиеся в ней негативные черты, тормозящие преобразования.

Авторы рассматриваемой книги предлагают иную картину мирового развития. В своем построении они возвращаются, по сути, к идее единого для всех государств пути развития. Сам этот путь у каждой страны, разумеется, индивидуален. Но общая линия едина. Такой взгляд на общественно-экономическое развитие как некое однонаправленное (при всех индивидуальных отклонениях) не нов. Но новым и оригинальным является тот «исходный кирпичик», который кладется в основу всей конструкции и благодаря которому выявляется её непохожесть на предшествующие построения. Этим «кирпичиком» в книге стала рента как всеобъемлющая категория, к которой в итоге можно свести все иные отношения (и политические, и социальные, и природные, и трудовые, и в целом экономические). Не случайно первая глава книги начинается разделом «Рента — не экономическое понятие». И почти сразу следует утверждение, что «именно земельная рента и возникающие в связи с ней социальные отношения становятся матрицей для иных рент и социальных связей более поздних периодов истории» (с. 12). Думается, такой подход мог родиться в среде именно философов и политологов в противовес представителям иных направле-

ний, прежде всего экономистов. Для последних выделение ренты в особый тип дохода, качественно отличного и от прибыли, и от зарплаты, является само собой разумеющимся; их смешение однозначно для экономистов крушению теоретических основ.

В то же время современная Россия с ее в целом низкой производительностью труда и значительными объемами перераспределения средств (прежде всего доходов от добычи природных ресурсов) через государственные инструменты дает массу примеров того, что доходы огромной массы наших сограждан в основе своей носят рентный характер. Причём процессы перераспределения опираются на выстроенную в обществе социальную иерархию, прямо называемую рядом исследователей сословной в противовес классовой (см., например, [Кордонский, 2007; Кордонский, 2010]). Но авторы монографии разворачивают понятие «рента» шире, рассматривая через эту призму и социально-экономическое, и политическое развитие всего человечества на протяжении веков, применяя его к анализу развитых капиталистических обществ, включая исследование развития и демократии, и среднего класса, и социального государства, и т.д. Этот анализ привел их к выводу, что «в текущий период происходит становление *рентного общества*» (с. 389).

Такой подход противоположен по своей сути основной массе теорий общественного развития, как тех, что жёстко разделяют линии развития передовых стран и большинства государств, по тем или иным причинам не достигшим успеха, так и тех, что просматривают единую эволюционную линию и у развитых обществ, и у серьёзно отстающих от них. Причём этот путь развития рассматривается как путь прогресса. Для авторов же монографии период прогресса представляется уже пройденным, а мир вступает в период господства рентного общества «как состояние *мутировавшего* капитализма, утратившего свою *цивилизационно-преобразующую силу* — *созидательное разрушение*, культ труда и наживы и т.п.» (с. 390).

Рентное же общество — «стагнирующее общество, предпочитающее спокойный дрейф бурному росту» (с.390). Ему свойственна «полусословная структура, в рамках которой оно разделяется на два замкнутых социальных слоя — тех, кто располагается на верхушке социальной иерархии и извлекает политическую ренту, и тех, кто оказывается *лишним* для современной высокотехнологичной экономики (исключёнными из нее). Последние получают ограниченный рентный доступ в обмен на политическую лояльность» (с. 390). Рентное общество характеризуется и как общество свертотчуждения и «утраты трудовой субъектности как *способности к свободному общественно полезному труду*» (с. 390).

В целом развитие по направлению к этому обществу неоднократно характеризуется как возвращение к «естественному государству». Тем самым авторы подчёркивают явную полемику своего труда с популярной концепцией Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, равно как и с не менее популярной в последние годы теорией экстрактивных и инклюзивных институтов Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Д. Робинсона (см, например, с. 30–31, 172, 186 и др.). Эта полемика основана на последовательно проводимой идее о господствующих в обществе рентных отношениях. Причём сам технический прогресс, цифровизация и роботизация материального производства, а также таких сфер, как услуги и т.п., ведет к вытеснению из сферы рутинной трудовой деятельности человека. А потому потребуется расширение области рентных отношений на всё более широкие слои населения. Авторы утверждают, что доминирование «рентных механизмов в современных обществах по сравнению с рынком означает, что редистрибуция есть ключевой экономический механизм во множестве современных государств, а рыночные обмены являются лишь дополнением и расширением к нему и не образует принципиально новой, а тем более доминирующей социальной реальности автономных рыночных коммуникаций, связанный с воображаемыми идеологическими моделями *общества открытого доступа* (Д. Норт и др.), инклюзивными институтами (Д. Аджемоглу и др.), ростом функциональной дифференциации автономных подсистем общества (Н. Луман) и проч.» (с. 186).

Критика авторами книги данных концепций основана на признании ими и обосновании, в частности, на основе согласия с близкими им по духу концепциями (например, С.Г. Кордонского), согласно которым суть политических систем современных государств всё дальше отходит от демократических принципов и всё более приближается к принципам рентно-сословного порядка. А тогда принципы государственного устройства, действие его аппарата, само социальное структурирование *«полностью переворачивается: свою полезность и рентные права любые субъекты должны доказывать не рынку и обществу, а рентно-сословному государству, которое представляет главную ценность, оборачивающую все прочие ценности в средства для своего воспроизводства»* (с.186). На такой основе выстраивается специфическая шкала ценностей, главным в которой является полезность для государства. И именно государство, распределяющее ренту, становится ключевым генератором общественного различия, *«создавая неравенство граждан относительно возможности получать ренту, полагающуюся по статусу и по чину»* (с. 187).

Признавая переживаемые ныне развитыми странами проявления кризиса либеральной идеологии и новые трудности экономического развития, обусловленные переходом к новому этапу научно-технической революции и связанные с этим не только всё ширящиеся проявления популизма, и идущие рядом с ними срывы в демократических процедурах, и растущее материальное неравенство, и усиливающуюся неуверенность в завтрашнем дне масс населения, всё же трудно принять концепцию авторов, как пусть не слишком успешного, но в целом успокоительного для большинства выхода из ситуации. И хотя авторы прямо не солидаризируются с появляющимися в последние годы концепциями левого толка, но рисуемый ими образ выхода из кризиса на основе победы рентных отношений и построения рентного общества вряд ли может стать пусть и не идеальным, но спокойным эволюционным финалом. Уж очень рисуемая в книге политическая онтология рентной трансформации напоминает советскую общественную конструкцию. А она, напомним, несмотря на сосредоточение у государства почти всех ресурсов и идеологию, скорее похожую на религию, общественную пассивность населения, всё же рухнула на наших глазах под тяжестью не только социальных проблем, но и бесконтрольно развивающихся в ее недрах рыночных связей. Последние к 1980-м гг. обрели такую силу, что о них уже стали говорить как о теневой экономике.

Причём важны не только сила сложившихся к моменту постсоциалистической трансформации теневых экономических отношений, но и этика включённых в эти отношения достаточно широких слоев населения. Равно как и пренебрежение их к писанным законам, официальным формальным институтам (ибо теневая экономика была выстроена как раз на системе неформальных отношений) и приверженность институтам неформальным. И такие неформальные отношения пронизывали всю структуру, проникая и в области, которые, казалось бы, должны находиться в сфере исключительно официальных институтов, приверженности писанным законам.

Поэтому представляется сомнительной конструкция будущего рентного общества, в котором в значительной части материального производства людей заменят разного рода механизмы, передовая робототехника. Авторы предлагают для вытесненных из производства «лишних людей» жизнь, обеспеченную новым видом ренты — «безусловным базовым доходом». С их точки зрения, успокоить общество и отвести политическую угрозу, исходящую от этих людей вполне возможно, если «представить им возможность получать удовольствие, а отсутствие реального смысла <существования> вполне можно компенсировать выдуманным» (с. 362). И в подтверждение данного тезиса отмечается, что «это как раз то, что сегодня переживает небывалый подъем: виртуальная реальность становится частью повседневной жизни» (с. 362), хотя при этом мы имеем дело с неизбежными издержками. В этом мире происходит окончательное отчуждение рабочего класса от средств производства, и «как в современном обществе потребления игровой *рабочий* работает, а работа

здесь неотличима от игры для того, чтобы удовлетворять потребности, которые сам же игровой капитализм и порождает» (с. 371).

Новое же в системе, предсказываемой авторами, в том, что здесь «игры как виртуальные предприятия — это практически всеобъемлющий цикл *производство — потребление*» (с. 372). А то, что «изнутри виртуальных миров, ожидаемых в недалёком будущем, кажется триумфом капитализма, снаружи будет являться рентным обществом, развившимся до такой степени, которая ставит под сомнение само существование и капитализма, и идиллического посткапитализма» (с. 377). Конечно, в таком обществе не обойтись без борьбы за ренту, «но рантье будущего — это минималист. Он стремится не к максимизации прибыли, а к минимизации усилия и извлечению нетрудовых доходов» (с. 378). Такое общество представляется авторам как устойчивая форма сверхотчуждённого общества.

Правда, заключительные их размышления переносятся в иную сферу — сферу возможностей совершенствования личности. Причём критерий развития производительных сил противопоставляется критерию пространства для развития творческого потенциала каждого (с. 381). В итоге оказывается, что и такие инструменты, как безусловный базовый доход (даже абстрагируясь от неизбежно возникающей проблемы неравенства, присущей иерархически организованному рентному сословному обществу), не приносят всеобщего счастья. Он не сможет стать достаточным условием для счастливой жизни большинства, не увлечённого идеей саморазвития и стремлением к созиданию нового. Отчуждение «не исчезнет ни после частной собственности, ни даже после того, как ценности самореализации восторжествуют» (с. 386). А потому «*проигравших* окажется подавляющее большинство. Проигрыш в данном случае будет уже экзистенциальным, затрагивающим самые основы бытия того, кто стремится преодолеть и заменить модус обладания модусом бытия» (с. 387). Поэтому кто-то захочет после неудачной борьбы *отойти от дел* и предаться чистому созерцанию» (с. 387). Хотя в заключение сами авторы признают такую картину, как гипотетическую, а наблюдаемые сегодня тенденции, ведущие к становлению рентного общества, вполне могут оказаться лишь стадией перехода на пути к обществам нового типа. Причём таким обществам авторам на страницах книги часто видится некий коммунизм по Марксу с его критикой труда.

В целом, раздумывая над содержанием этой безусловно интересной книги, дающей своеобразное описание и предшествующего, и будущего развития человечества (опустим здесь сведение принятых в экономических теориях различных доходов к ренте, ибо на этом спорном допущении и строится вся интеллектуальная конструкция), нельзя не обратить внимание ещё на одну тему, выпавшую из предложенного анализа. Хотя эта тема, быть может, должна бы стать основной при рассуждении об обществе, вступившем в новый, возможно неведомый нам ещё этап развития. Это тема качественного пересмотра проблем воспитания и образования будущих поколений, которым и предстоит создавать это общество, соответствующее высоким требованиям «общества знаний». Причём говорить тут надо о воспитании и образовании новых людей, начиная с младенчества и на протяжении всей их жизни.

Тут, кстати, возникает тема не только получения с детства глубоких гуманистических, общеобразовательных, культурных и художественных знаний, на основе которых и сегодня обладающие ими у людей, работающих даже в сугубо технических или естественно-научных областях, рождаются ассоциации и идеи, претворяемые затем в оригинальные решения и открытия в областях их деятельности. Эта тема органично вписывается и в представления о рентной экономике, ибо общественные потребности в создании такой системы образования и воспитания, а также общекультурной среды в целом, потребуют существенного перераспределения в ее пользу имеющих у общества ресурсов. Только вряд ли формы такого перераспределения ограничатся достаточно архаичными формами отечественной заботы государства. Уже сегодня исследователи выделяют

и иные пути поддержки таких сфер. Причём их развитие шло в соответствии с развитием либеральных теорий, усложняясь в его ходе, обретая новые разнообразные формы (см., например: [Рубинштейн, 2016. С. 480–485]).

К тому же сегодня мы видим развитие разнообразных форм благотворительности и крупных предпринимателей, и людей среднего и даже невысокого достатка, откликающихся на самые разные нужды сограждан, попавших в трудное положение, а также деятелей искусств и самых разных негосударственных фондов. Всё это требует и более тонкой проработки темы рентного общества как общества будущего. Стоит вспомнить, в частности, замечание Э.Тоффлера о том, сколь сложен для общества и всех живущих в этот период людей сам процесс перехода от одного технологического уклада к другому, и что в это время «система богатства нуждается в питающих её обществе и культуре, а общество и культура сотрясаются, когда две или три системы богатства (доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная. — Н.П.) сталкиваются друг с другом» [Тоффлер, Тоффлер, 2008. С. 40].

Обращение к проблемам воспитания, образования, культуры в эпоху перехода к экономике знаний становится особенно важной потому, что в эти периоды социальной турбулентности, «когда мировая система оказывается в неустойчивом состоянии под воздействием разнонаправленных сил». И важно сознавать, что «изменения в среде, которые мы делаем сегодня, создают новую и во многих случаях неожиданную среду завтра. Неожиданную в том смысле, что у нас нет исторического опыта, который подготовил бы нас к встрече с ней» [Норт, 2010. С. 37]. В такой период для удержания социальной стабильности недостаточно установления мер типа безусловного базового дохода и политики по перенесению интересов оказавшихся «лишними» людей к разным достаточно простым формам виртуального мира, которые мы наблюдаем сейчас и которые можно рассматривать как органическую часть современного общества потребления. Но, думается, такая форма смягчения социальных проблем в условиях рентного общества, предполагающая по определению и иерархическое распределение доходов, и, соответственно, рост неравенства между довольствующимися базовым доходом и другими сословиями. При этом не все, ограничивающиеся базовым доходом, готовы впасть в социальную апатию. Наверняка начнут складываться более активные группы, возмущённые несправедливостью, с их точки зрения, существующих порядков и в то же время не обладающие достаточным уровнем образования и культуры для того, чтобы найти себе место в новой экономике знаний.

Эта проблема уже в наше время — время первых шагов к новой экономике — может крайне обостриться. Причина тому кроется в том, что существующая у нас в стране (да и во многих других странах) система образования в основе своей была выстроена в соответствии с потребностями предшествующего (индустриального) этапа развития. И тогда создание этой системы, равно как и массовых возможностей доступа людей к культуре, называлось у нас «культурной революцией». Но сегодня массовый выпускник, окончивший выстроенные тогда образовательные учреждения (и начальные, и средние, и высшие), оказывается часто обладателем диплома, не соответствующего требованиям, предъявляемым к нему потенциальным работодателем. Такие дипломы теряют функции критерия качества необходимого человеческого капитала. Они обретают качества фиктивности, как минимум, нуждающиеся в подкреплении носителя такого капитала капиталом социальным (см., в частности, [Плискевич, 2012. С. 205]). С другой стороны, обладатели таких дипломов часто вынуждены работать не по специальности, по которой обучались. Таковых по разным отраслям российской экономики, согласно данным социологов, насчитывается от 30 до 60% опрошенных [Аврамова, 2006. С. 114—115]. А значит, и без того скудные средства, выделяемые на образование, расходуются нерационально.

Как раз такое несоответствие уровня образования большинства новым задачам, которые ставят перед человечеством требования быстро ускоряющейся экономики знаний,

становится питательной средой общества потребления, ограничивающей, по сути, широту возможных, прежде всего духовных, потребностей. Традиционные модели потребления сводятся в первую очередь к материальной сфере, а также продуктам массовой культуры, теперь включающей в себя и массовую продукцию виртуального мира. При чтении книги Фишмана, Мартьянова и Давыдова создается впечатление, что именно таких людей — «продуктов» общества потребления и имеют они в виду, описывая рентное общество не только прошлого и настоящего, но и будущего. Если это окажется так, то вполне можно допустить, что в итоге и развитие человечества придет к предсказываемому авторами состоянию «естественного государства».

Однако, думается, что сама потребность развития общества знаний потребует и массового изменения системы образования и воспитания. А это может дать толчок к изменению у очень широких слоев населения системы потребностей, относительно сужению сферы потребностей материальных, переходу массового интереса к более тонким и глубоким образцам культуры. А все это не может не вызвать изменений в ассортименте производителей благ в сторону расширения производства для удовлетворения новых потребностей. Причем такие изменения спроса не могут ограничиться лишь сферой интеллектуальной элиты. Чтобы общество развивалось гармонично, и наиболее передовые, и менее искушенные его слои должны найти точки соприкосновения. А в обществе знаний и обслуживающие наиболее продвинутых творцов должны «подтягиваться» к ним, чтобы разрыв между разными стратами общества не становился угрожающим. Это важно не просто для того чтобы все элементы данного общества работали слаженно. Вновь вспомним Норта, писавшего: «Специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат. Взаимосвязи, необходимые для обобщения разных знаний, по сути, влекут за собой намного большее, помимо эффективной системы цен, хотя та является необходимой их предпосылкой. Потребность в важнейших общественных благах, асимметричность информации и несовместимые экстерналии требуют создания институтов и организаций для обобщения разрозненных знаний при низких транзакционных издержках» [Норт, 2010. С. 173].

Поэтому в завершение хотелось бы отметить, что предложенный авторами книги вариант будущего вполне возможен, если обществами (прежде всего, развитыми) овладеет апатия. Нежелание самосовершенствования и внутреннего развития может привести к победе на новом витке развития «естественного государства» и соответствующего ему «рентного общества» (которое, как отмечалось в начале, разные исследователи называют по-разному). Но качественные изменения в системах воспитания, образования, более широкого и востребованного предложения сложных образцов культуры (и классической, и современной) способны дать толчок к изменениям в качественных характеристиках самих людей. Тем более что эти изменения соответствуют потребностям новой, более сложной экономики. И тогда оказывается более перспективным взгляд В.М. Полтеровича на преобразование конкуренции как движителя экономики, чреватой своими издержками, в институты сотрудничества, дающие новый импульс развитию: «Успех достигается по мере технологического развития и эволюции массовой культуры, создающей предпосылки для замещения механизмов принуждения институтами сотрудничества и смягчения последствий конкуренции... Культурные изменения, тесно связанные с возникновением новых институтов, позволяют постепенно преодолевать провалы рынка, государства и парламентской демократии» [Полтерович, 2016. С. 379].

Какое же будущее ждет наших потомков? Сегодня предсказывать это трудно, ибо мы находимся лишь в начальной стадии грандиозных технологических изменений. Но очевидно, что во многом это будущее зависит и от нас, и от тех, кто придет после нас.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е.М. (2009). Направления вертикальной мобильности молодых специалистов // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 108–116.
- Кордонский С.Г. (2007). Ресурсное государство. М.: REGNUM.
- Кордонский С.Г. (2010). Россия. Поместная федерация. М.: Европа.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ ВШЭ.
- Плискевич Н.М. (2012). Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: ИЭ РАН.
- Полтерович В.М. (2016). От социального либерализма — к философии сотрудничества // *Социальный либерализм* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя. С. 346–384.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма // *Социальный либерализм* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя. С. 443–493.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. (2008). Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ, МОСКВА; Профиздат.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institut of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow

znplis@yandex.ru

FROM “NATURAL STATE” TO THE “NATURAL STATE”? (ABOUT THE BOOK BY L. FISHMAN, V. MARTYANOV AND D. DAVYDOV “RENT SOCIETY: IN THE SHADOW OF LABOR, CAPITAL AND DEMOCRACY”)

Abstract. This article analyzes the monograph of Leonid Fishman, Vladimir Martyanov and Dmitry Davydov — employees of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS. The authors of the book have developed their own theory of social and economic development of mankind — both its past and present, and the prospects for further evolution. The article shows that, on the one hand, this theory fits into a series of constructions caused by the general uncertainty that is inevitable when technological patterns change, which is also sometimes complicated by the collapse of “real socialism.” On the other hand, the very path the scientists have taken differs from the main body of such theories, since they based their concept on a new interpretation of the phenomenon of “rent” developed by them. Recognizing the value and scientific originality of the authors’ general argument, the reviewer draws attention to the fact that in their overall picture of social and economic future there is no theme of development of mass consciousness, changes in behavior and needs of an ordinary person under the influence of revolutionary technological shifts.

Keywords: *rent, types of rent, rental transformation, global rental society, democracy, populism.*

JEL: A10, A12, B59, F01.

REFERENCES

- Авраамова Е.М. (2009). Napravleniya vertikal'noy mobil'nosti molodykh spetsialistov [Directions of vertical mobility of young specialists] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 6. Pp. 108–116.
- Kordonskiy S.G. (2007). Resursnyye gosudarstva [Resource states]. M.: REGNUM.
- Kordonskiy S.G. (2010). Rossiya. Pomestnaya federatsiya [Russia. Local federation]. M.: Evropa.
- North D. (2010). Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the process of economic change]. M.: GU HSE.
- Pliskevich N.M. (2012). Chelovecheskiy kapital v transformiruyusheysya Rossii [Human capital in transforming Russia]. M.: IE RAN.
- Polterovich V.M. (2016). Ot sotsial'nogo liberalizma — k filosofii sotrudnichestva [From social liberalism to the philosophy of cooperation] // *Sotsial'nyy liberalizm* / Pod red. A.Ya. Rubinshteyna, N.M. Pliskevich [Social liberalism / Ed. A.Ya. Rubinshtein, N.M. Pliskevich]. SPb.: Aleteyya. Pp. 346–384.
- Rubinshteyn A.Ya. (2016). Sotsial'nyy liberalizm. Liberal'naya evolyutsiya paternalizma [Social liberalism. Liberal evolution of paternalism] // *Sotsial'nyy liberalizm* / Pod red. A.Ya. Rubinshteyna, N.M. Pliskevich [Social liberalism / Ed. A.Ya. Rubinshtein, N.M. Pliskevich]. SPb.: Aleteyya. Pp. 443–493.
- Toffler E., Toffler Kh. (2008). Revolyutsionnoye bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn' [Revolutionary wealth. How it will be created and how it will change our lives]. M.: AST, МОСКВА; Profizdat.